

Марков.

25/71 1986 2

Коммунист Таджикистана
г. Душанбе

25 НОЯ 1986

«КОММУНИСТ ТАДЖИКИСТАНА»

Лучшее — это сейчас

Гости
столиц

Леонида Маркова, народного артиста СССР, зрители хорошо знают. Стоит напомнить название некоторых фильмов, в которых он снимался: «Мой ласковый и нежный зверь», «Русское поле», «Сибирь», «И это все о нем», «Коней на переправе не меняют», «Красное и черное», «Схватка в

пурге», «Гараж», и перед нами зримо встают его запоминающиеся герои, как правило, люди сложной судьбы. А об игре актера отзываются так: она столь естественна, органична, будто он совсем не чувствует камеры...

— Почему это не чувствую? — удивляется Леонид Васильевич, — чувствую, как и все, особенно в начале работы над ролью.

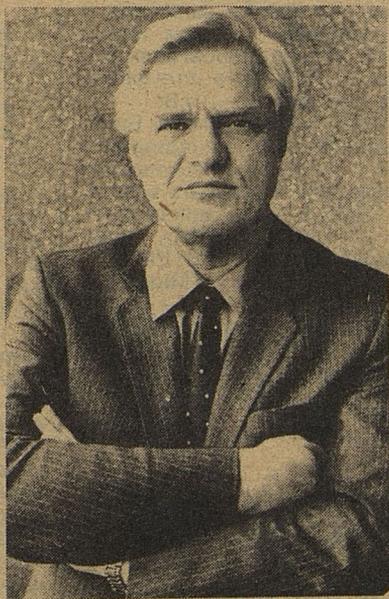
Марков прилетел в Душанбе на открытие тринадцатого сезона работы популярного лектория «Кино и время» и согласился быть нашим собеседником.

— Леонид Васильевич, помимо работы в театре им. Моссовета за последние четырнадцать лет вы успели сняться в 50 кинофильмах. Наверно, это очень трудно: не примелькаться зрителю, каждый раз являться новым, чем-то удивлять. Как удается?

— По своему амплуа я характерный актер. Это и специфика, и большое для меня удовольствие. Приятно же играть те черты характера, которыми не обладаешь, а хотелось бы... Вот эта лепка образа увлекает каждый раз с новой силой.

— Но можно ли хорошо играть то, что тебе глубоко несвойственно?

— А ведь в жизни как талантливо порой обманываем мы окружающих, годами выдаем себя не за тех, кто мы есть. Больше среди нас таких — не «подарков». Тема

моя — человек со сложным, неоднозначным характером, которому уготована масса перипетий, прежде, чем станет ясно — человек-то перед нами все-таки хороший. На проверку, на глубокую — он настоящий человек, хотя не прост, совсем не прост. Вот посредством своих героев я и беседую со зрителем. Вы знаете, ведь это одно из главных удовольствий человеческих — собеседование. И разве зрителю не приятно, когда герой с экрана

говорит о том, о чем он сам думает, тревожится?

— Какой зритель «ваш», близок вам?

— Интеллигентный. Которому ясно с полунамека, которому не надо разжевывать. Тот, что ждет от актера не развлечения. Выходить к иному залу, не желающему думать, — для меня это гибель, несчастье. Вот в старину актеры говорили пренебрежительно: «Публика — она ведь дура, она все съест». И когда я вижу порою, что и наша уважаемая публика все ест, в какой она восторг приходит от безвкусицы, от того, что на противоположном полюсе от настоящего искусства, — честное слово, мне не по себе!

— А если — о сбывшемся и несбывшемся?

— Пусть часто мне не нравятся режиссер, драматургия, но мне всегда нравится моя профессия. Ну, а все лучшее, конечно же, впереди. Мы ведь потому и живем, что надеемся: все лучшее — впереди. Лев Толстой об Иване Бунине говорил, будто вот тот думает, что лучшее — это потом, а лучшее — это сейчас. Эта толстовская мысль хороша, но удержаться на ней так трудно!

Л. КОЛВИНА.